

УДК 343.963

А.А. Михайлов

ПРАВО ПРОКУРОРА РАСПОРЯЖАТЬСЯ ОБВИНЕНИЕМ В СУДЕ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ

Производится историко-правовой и сравнительно-правовой анализ решения вопросов изменения обвинения в суде и отказа прокурора от обвинения в законодательстве зарубежных стран и России. Обозначаются причины, обуславливающие различные подходы к решению указанных вопросов в англосаксонском и континентальном типах уголовного процесса. Определяются пределы прав прокурора в распоряжении обвинением в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: *уголовный процесс, суд первой инстанции, отказ прокурора от обвинения, изменение обвинения в суде.*

Вопросы, связанные с возможностью прокурора, выступающего в суде первой инстанции в качестве государственного обвинителя, распорядиться обвинением, то есть изменить его или отказаться от него, привлекали внимание ученых-процессуалистов в дореволюционный и советский периоды развития отечественного уголовного процесса и продолжают оставаться предметом дискуссии в современной российской уголовно-процессуальной науке.

Одной из последних и при этом наиболее глубоких работ по данной проблематике является статья профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора юридических наук Л.В. Головки, посвященная анализу институтов отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде с точки зрения решения «экзистенциальной проблемы» состязательности – сложности персонификации в уголовном процессе стороны обвинения [1].

Следует отметить, что, несмотря на то, что изменение обвинения и отказ от обвинения в суде первой инстанции по действующему УПК РФ выступают распорядительными полномочиями прокурора, данные институты являются самостоятельными и изначально имели разные исторические корни. При этом вопросы изменения обвинения в суде появились и стали актуальными в уголовном процессе намного раньше вопросов отказа от обвинения, хотя в том, каким образом решаются последние, наиболее рельефно выражается отношение в уголовном процессе того или иного государства к предоставлению прокурору права распоряжаться обвинением.

Л.В. Головки подробно и обоснованно объясняет различное отношение к отказу прокурора от обвинения в уголовном процессе США и континентальной Европы, выделяя две модели легитимации обвинительной деятельности прокурора со стороны общества – политическую (США) и юридическую (континентальная Европа) [1, с. 55–62].

Однако сами указанные модели в значительной степени обусловлены основными чертами соответственно англосаксонского и континентального типов уголовного процесса, которые оказали существенное влияние на возникновение разных подходов к решению проблем изменения обвинения и отказа от обвинения в суде. Исследование вопросов о том,

как исторически осуществлялось данное влияние и какие именно черты того или иного типа уголовного процесса имеют при этом наибольшее значение, представляется важным с позиций дальнейшего решения теоретических проблем права прокурора распоряжаться обвинением в отечественном уголовном процессе.

Вопросы, связанные с изменением прокурором обвинения в суде первой инстанции, являются частью более общей проблемы изменения обвинения в суде, которая, в свою очередь, произрастает из такого важного в уголовно-процессуальной науке вопроса, как отношение обвинения к приговору.

Изменяемость обвинения определяется в теории уголовного процесса как возможность внесения в него тех или иных коррективов, восполнение имеющихся в нем пробелов или устранение допущенных при его формулировке ошибок [2, с. 83–84]. Истории уголовного процесса известны как полная неизменяемость обвинения, когда первоначальное обвинение в дальнейшем не может быть изменено ни при каких условиях, а любое отклонение от него влечет оправдание подсудимого, так и частичная, а также полная изменяемость обвинения.

Неизменяемость обвинения была присуща древнегерманскому и англо-норманскому уголовному процессу, отличавшемуся крайним формализмом, имевшим в значительной мере религиозное происхождение. Обвинение здесь изначально облекалось в определенную формулу, подлежащую доказыванию в четко определенных процедурах. Проигрыш дела мог произойти вследствие неправильного произнесения формулы или неточного обозначения противника.

В Средние века и вплоть до середины XIX века преемственность с англо-нормандским обвинительным уголовным процессом в части принципа неизменяемости обвинения была сохранена уголовным процессом Англии.

Как уточнял И.Я. Фойницкий, решение вопроса о пределах допустимости изменения обвинения на судебном следствии в законодательстве западных стран зависело от того, отдается предпочтение необходимости оградить права защиты от непредвиденных изменений обвинения либо потребности го-

сударства в скорейшем решении дела и устранении опасности, что «доказательства по делу могут изгладиться» [3, с. 415].

При этом в английской теории существованием запрета изменения обвинения подчеркивались беспристрастие суда, не выходящего за рамки первоначального спора между обвинителем и обвиняемым, и связанность обвинителя, которая составляет гарантию защиты обвиняемого [4, с. 434–435].

В целях же устранения негативных последствий действия принципа полной неизменяемости обвинения, заключающихся в том, что любой недостаток обвинительного акта мог привести к оправдательному приговору, а виновный в таких случаях зачастую ускользал от правосудия, английская правовая теория и судебная практика выработали ряд правил (средств), ограничивающих его действие.

Среди основных указанных правил, во-первых, правило делимости утверждений обвинительного акта, согласно которому «доказанность на суде только части утверждаемого не ведет к потере дела» [5, с. 44]. Здесь следует указать на то, что в английском уголовном праве распространено учение о «подразумеваемых» («включенных») преступлениях. Так, к примеру, считается, что обвинение в изнасиловании или противозаконных половых сношениях подразумевает и обвинение в непристойном приставании, обвинение в берглэри (насильственном вторжении в чужое жилище с целью совершения там преступления) – обвинение в краже [6, с. 502].

Вторым средством, ограничивающим действие принципа полной неизменяемости обвинения и возникшим в английском уголовном судопроизводстве, являются эвентуальные (альтернативные) обвинения, которые означают, что «обвинительный акт предъявляет к подсудимому обвинение в нескольких пунктах (counts) и изображает в каждом из них инкриминируемое деяние различным образом; если доказательства не подойдут к одному пункту, то подойдут к другому или третьему, какое-нибудь из изображений события все-таки совпадет с действительностью, как она открылась на судебном следствии» [5, с. 62].

Третьим средством выступает возможность возбуждения нового преследования против того же подсудимого за то же деяние. Э.Я. Немировский, объясняя на основе изученной судебной практики Англии суть данного средства, делал вывод, что «в общем те же факты, которые составляли предмет первого обвинения, несколько модифицированные, могут быть положены в основу нового обвинительного акта, и только в тех случаях, в которых, несмотря на изменившееся обвинение, обвиняемый мог быть осужден уже в первом процессе, не допускается вторичное преследование» [5, с. 71].

Соответственно свою специфику имеет в английском праве принцип недопустимости повторного уголовного преследования и осуждения за одно и то же преступление (non bis in idem). Английская доктрина и судебная практика в XX веке (дело Connelly

v. Director of Public Prosecution (1964 г.) разработали ряд правил, которые конкретизировали данный принцип. В частности, указанный запрет действует, если преступление, в котором обвиняется лицо, является в сущности или в основном тем же самым, что и главное либо другое преступление, в связи с которым оно прежде было оправдано или могло быть осуждено либо было осуждено [6, с. 503–504].

На законодательном уровне ограничение принципа полной неизменяемости обвинения впервые было произведено в Англии с принятием Закона от 7 августа 1851 г., который упростил процесс составления обвинительного акта и ввел процедуру его исправления. Еще в большей степени упростили процедуры, относящиеся к составлению и форме обвинительного акта, Закон 1915 г. об обвинительном акте и соответствующие Правила 1971 г.

В обвинительный акт, который поступил в суд, могут быть внесены изменения. Английская судебная практика допускает возможность внесения изменений, в том числе возможность включения нового пункта обвинения, если при этом существо обвинения остается неизменным. В зависимости от обстоятельств конкретного дела новый пункт обвинения может быть внесен как до предъявления обвинения, так и после этого. Ходатайство о внесении поправок вправе заявить любая сторона. Исправления в обвинение могут быть внесены и судом по собственной инициативе, однако перед этим суд должен предоставить сторонам возможность изложить свое мнение по поводу предлагаемых поправок [6, с. 495–496].

Кроме того, в английском праве существует институт отзыва обвинения, который, как пишет Л.В. Головкин, заключается в том, что обвинитель просит суд не рассматривать дело (что оставляет первому возможность предъявить впоследствии новое обвинение), и мало чем отличается от возвращения дела на доследование по ходатайству стороны обвинения [7, с. 65].

В уголовном процессе США также выработан ряд средств, применяемых при необходимости изменить обвинение в суде. Так, в США действует практика завышения государственным обвинителем объема обвинения, когда по одному эпизоду предъявляется завышенное число пунктов обвинения. Данная практика во многом основывается на существующем в американском, как и английском, уголовном праве учении о так называемых «включенных» (included) преступлениях, под которыми понимаются элементы более сложного преступления, имеющие самостоятельное уголовно-правовое значение. В связи с этим существуют специальные таблицы, указывающие на соотношение преступлений. Например, считается, что преднамеренное убийство включает в себя непреднамеренное и т.д. Исходя из подобного соотношения преступлений, обвинитель вправе предъявить не только обвинение в совершении наиболее тяжкого «включающего» преступления, но и обвинение во всех «включаемых» в него преступлениях, и

если наиболее тяжкое обвинение не будет доказано, то подсудимый может быть осужден за «включенное» преступление [8, с. 277].

В уголовном судопроизводстве США существует институт так называемого «поочередного» (successive) уголовного преследования, при котором дело искусственно разъединяется, и лицо по одному эпизоду после вынесения обвинительного приговора вновь подвергается уголовному преследованию и уголовной ответственности по разъединенным обвинениям [9, с. 144–145].

Критерий, выражающий суть принципа запрета повторного уголовного преследования и осуждения за одно и то же преступление в уголовном процессе США, был сформулирован Верховным Судом США в решении по делу *Blockburger v. United States* (1932 г.). Данный критерий заключается в том, что деяние, являющееся преступлением в соответствии с одной статьей уголовного законодательства, может считаться отдельным самостоятельным преступлением, если отличается хотя бы один элемент состава другого преступления – если каждое правонарушение «требует доказывания такого дополнительного обстоятельства, которое не присутствует в описании состава другого правонарушения» [10, с. 521]. Исходя из этого, под понятие «одно и то же преступление» подпадают все преступления, которые поглощаются преступлением, за которое лицо уже было осуждено. В то же время наличие в новом обвинении элемента, который отсутствовал в обвинении, по которому лицо уже было осуждено, не исключает привлечение лица к уголовной ответственности по существу за то же деяние.

Кроме того, принцип недопустимости повторного уголовного преследования и осуждения за одно и то же преступление не запрещает поочередное уголовное преследование органами обвинения штата и федеральными органами обвинения за уголовные правонарушения, вытекающие из одного преступного деяния, что допускается в силу доктрины «двух суверенов» (dual sovereignty). В соответствии с этой же доктриной органы обвинения двух разных штатов вправе привлекать к уголовной ответственности человека за одно и то же совершенное им деяние [10, с. 522–523].

Уголовно-процессуальное законодательство штатов предусматривает и непосредственную возможность изменения обвинения в суде первой инстанции. Так, в соответствии с правилом 220 Правил уголовного судопроизводства Пенсильвании суд может разрешить внести изменения в обвинительный акт в том случае, если был обнаружен дефект в соблюдении формы, ошибка в описании преступления любого лица или любого имущества либо в дате обвинения, если внесенные изменения не приведут к обвинению в дополнительном или ином преступлении. При внесении изменений суд может разрешить отсрочку судебного рассмотрения или применение иного средства судебной защиты, которые необходимы в интересах правосудия [11]. В целом, в уго-

ловном процессе США «обвинитель может практически бесконтрольно изменять объем и характер обвинения» [12, с. 174], однако в основном в сторону улучшения положения подсудимого.

В континентальных странах (Франции, Германии) неизменяемость обвинения существовала в уголовном процессе примерно до конца XIII века [4, с. 187, 263], когда обвинительные начала уголовного процесса все более и более начали вытесняться розыскным порядком уголовного судопроизводства.

Принцип полной изменяемости обвинения является порождением именно континентального розыскного уголовного процесса. С учетом того, что в данном типе уголовного судопроизводства в одном лице совмещались функции следствия и суда, а также в силу необходимости установления по делу объективной (материальной) истины, допускалось не только практически любое изменение обвинения, но и осуждение за выявленное в суде новое преступление.

Следствием необходимости установления в континентальном уголовном процессе объективной (материальной) истины является иная, по сравнению с англосаксонским уголовным процессом, трактовка принципа недопустимости повторного уголовного преследования и осуждения за одно и то же преступление (*non bis in idem*), исходя из чего предметом обвинения в первом является деяние по своей сути (событие преступления), тогда как во втором предметом обвинения по существу выступает деяние в его уголовно-правовой квалификации.

Возможность широкого изменения в суде первой инстанции обвинения, в том числе на более тяжкое, сохраняется в континентальном уголовном процессе по настоящее время.

Л.В. Головкин отмечает, что французский уголовный процесс является хрестоматийным примером гибкого отношения к пределам судебного разбирательства, поскольку, «согласно французской концепции, окончательная квалификация деяния, т.е. его юридическая оценка, является прерогативой судебной власти, а не следственных органов, поэтому никаких теоретических ограничений для изменения квалификации не только в сторону улучшения, но и в сторону ухудшения здесь быть не может» [7, с. 65].

В УПК Франции эта концепция проявляется в следующем. По делам, рассматриваемым в суде ассизов, председатель суда вправе поставить один или несколько специальных вопросов, если в судебном разбирательстве выяснятся одно или несколько отягчающих обстоятельств (ст. 350), а также один или несколько дополнительных вопросов, если в результате судебного разбирательства выяснится, что деяние подлежит иной юридической квалификации, чем та, по которой обвиняемый был предан суду (ст. 351).

При рассмотрении дела в исправительном суде тот вправе в случаях, указанных в ст.ст. 466 и 469 УПК Франции, осуществлять переквалификацию деяния.

Кроме того, в уголовном процессе Франции существуют механизмы, позволяющие преодолеть ограничение рассмотрения дела в суде лишь в отношении только тех лиц, которые преданы суду, и только тех фактов, которые вменяются им в вину (безотносительно их квалификации). Одним из данных механизмов выступает предусмотренное ст. 389 УПК Франции уведомление (*avertissement*): «если прокурор направил обвиняемому уведомление с указанием нарушения уголовного закона, после чего обвиняемый добровольно предстал перед судом, то это избавляет от необходимости совершать какие-либо иные процессуальные действия (возбуждение уголовного преследования, предъявление обвинения и т.д.)» [7, с. 65].

Согласно ст. 310 УПК Франции, председатель разделен дискреционными полномочиями, в силу которых он может по совести и чести принимать любые меры, которые он сочтет полезными для установления истины. Он вправе в ходе разбирательства вызывать и заслушивать любое лицо, или распорядиться о представлении в суд любых новых вещественных доказательств, которые, по его мнению, в связи с развитием судебного разбирательства полезны для установления истины. Суд активно участвует в исследовании доказательств, первым осуществляет допрос обвиняемого и свидетелей (ст.ст. 328, 332 УПК). Это говорит о том, что публичность в уголовном процессе Франции распространяется и на суд.

В соответствии со ст. 313 УПК Франции прокурор именем закона обращается к суду со всеми требованиями, которые он считает полезными; суд обязан их выслушать и обсудить. Согласно ст. 314 УПК Франции, если суд не удовлетворяет требования прокурора, следствие и судебное разбирательство по этой причине не прекращаются и не приостанавливаются. Поэтому требования прокурора в суде первой инстанции по существу носят характер ходатайств.

В соответствии с п. 2 § 264 УПК Германии суд не связан оценкой деяния, лежащей в основе постановления об открытии судебного разбирательства. Согласно п. 1 § 265 УПК Германии, подсудимый не может быть осужден на основании нормы уголовного закона, не фигурирующей в допущенном к судебному рассмотрению обвинении, за исключением случаев, когда перед этим ему было специально указано на изменение обвинения и предоставлена возможность для защиты. Аналогичным образом суд должен поступать, если при рассмотрении дела выясняются обстоятельства, специально предусмотренные уголовным законом, оправдывающие повышение уголовной ответственности.

Данная обязанность суда указать на изменение обвинения, как отмечает В. Бойльке, происходит из обязанности суда надлежащим образом заботиться о расследовании дела и конкретизирует право на судебное слушание. При этом обязанность указать подсудимому на новые моменты в деле признается и при наличии существенных изменений: переходе к

другой форме совершения одного и того же состава преступления, изменениях фактических оснований. Указание на изменение обвинения необходимо и в случаях, если должен применяться более мягкий закон [13, с. 221–222].

В судебном разбирательстве, в том числе на судебном следствии, активная роль в руководстве процессом и доказывании принадлежит суду. Это обусловлено тем, что в соответствии с закрепленным в УПК Германии (п. 2 § 244) принципом расследования суд обязан в целях установления истины по долгу службы исследовать все факты и доказательства, которые имеют значение для разрешения дела. С учетом указанного именно на суде лежит бремя доказывания обвинения, и, исходя из п. 1 § 238, § 240, п. 2 § 241 УПК Германии, суд обладает широкими дискреционными полномочиями при проведении допроса подсудимого и свидетелей.

Таким образом, такие черты континентального типа уголовного процесса, как цель – достижение объективной (материальной) истины, и активная роль суда в процессе, объясняемая высокой степенью публичности в его деятельности, оказали существенное влияние на формирование подхода к изменению обвинения в суде, в соответствии с которым субъектом изменения обвинения в суде первой инстанции в уголовном процессе континентального типа является только суд, тогда как прокурор лишь выражает свое мнение, заявляя о необходимости внести в обвинение изменения.

В силу обозначенных выше причин аналогичным образом решается в уголовном процессе континентального типа (Франция, Германия) и вопрос возможности прокурора отказаться от обвинения.

Исходя из ст. 346 УПК Франции, прокурор в прениях, которые четко отделяются от судебного следствия, выступает после гражданского истца. Обвинительная речь прокурора должна соответствовать материалам дела. Если же прокурор считает, что в ходе судебного заседания выясняется, что возбуждение уголовного дела в отношении подсудимого не подкреплено законными основаниями, он сам должен рассмотреть возможность заявить ходатайство о вынесении оправдательного приговора [14, с. 97].

В уголовном процессе Германии в прениях, которые именуются в УПК заключительными речами, прокурору первому предоставляется слово для выступления. В теории и на практике, как отмечает Б.А. Филимонов, принято, что прокурор в своей речи должен дать анализ результатов судебного разбирательства, сделать определенный вывод о виновности или невинности подсудимого и внести предложение о постановлении соответствующего приговора [15, с. 441]. В соответствии с § 153b УПК Германии при наличии условий, на основе которых суд может отказаться от назначения наказания, прокуратура с согласия компетентного суда, уполномоченного рассмотреть дело по существу, вправе отказаться от предъявленного обвинения. Согласно

§ 156 УПК, после принятия судом окончательного решения об открытии судебного разбирательства прокурор уже не может отозвать обвинение.

Соответственно прокурор в уголовном процессе Франции и Германии не обладает распорядительными правами в отношении обвинения. В дополнение к изложенному, это также объясняется его процессуальным статусом и функциями в уголовном процессе.

Прокуроры в уголовном процессе Франции наряду со статусом служащих исполнительной власти имеют статус магистратов судебной системы. Процессуальное положение прокурора в уголовном процессе определяется, с одной стороны, таким двойственным статусом, а с другой – принципом состязательности, который выражается в разделении функций органов, уполномоченных осуществлять уголовное преследование, и органов, в чьей компетенции находится разрешение дела. Одновременно считается, что прокурор выполняет роль представителя общества, а не столько роль сторонника обвинения [12, с. 99]. С учетом указанных обстоятельств прокуроры в уголовном процессе обладают независимостью, в том смысле, что они осуществляют судебное преследование свободно, вне зависимости от влияния судей и подсудимых [16, с. 77], и не подлежат в соответствии со ст. 669 УПК Франции отводу, в отличие от судей и присяжных. Представитель прокуратуры в суде именуется «генеральным адвокатом».

В суде, как отмечается некоторыми авторами, на прокурора не распространяется понятие «стороны», в связи с чем суд не вправе обращаться с ним как со стороной в процессе, в частности, применять к нему санкции [17, с. 4]. Действительно, УПК Франции (например, в ст.ст. 329, 330), регламентируя судебное разбирательство, разграничивает прокурора и стороны, под которыми понимаются гражданский истец и участники судебного разбирательства со стороны защиты. Однако, исходя из направленности деятельности прокурора в суде, все же следует признать, что прокурор здесь осуществляет уголовное преследование. Так, Рене Корин-Жулен и Аньес Фоссер-Сабатье пишут, что «являясь по-прежнему основной стороной уголовного процесса, по крайней мере, в судах первой и второй инстанции, прокурор никак не может рассматриваться в качестве независимого судьи. Прокурор скорее входит в категорию прочих судебных работников, которые исполняют судебные функции в соответствии с законом...» [16, с. 27].

В соответствии со ст. 32 УПК Франции прокуратура представлена при каждом уголовном суде. Прокурор участвует в судебном разбирательстве, а все решения суда оглашаются в его присутствии. Соответственно предусматривается обязательное участие прокурора при рассмотрении уголовных дел. Согласно ст. 33 УПК Франции, прокурор беспрепятственно высказывает в устной форме свои соображения, которые, по его мнению, направлены на обеспечение правосудия.

В уголовном процессе Германии участие представителя прокуратуры в судебном разбирательстве также является обязательным (§ 226 УПК Германии). При этом, согласно п. 3 § 243 УПК, прокурор в суде только представляет обвинение, а в теории и на практике подчеркивается, что прокурор не является стороной в процессе [15, с. 432].

По мнению немецкого ученого-процессуалиста К. Петерса, государство как носитель верховных правовых задач, как хозяин функций судопроизводства не может рассматриваться в качестве стороны, точно так же как и какой-либо его орган, потому что не орган, а государство противостоит обвиняемому. У органа, в частности прокуратуры, нет своего собственного правового положения [18, с. 26–27]. При этом, указывает Э. Керн, прокуратура должна охранять интересы обвиняемого, поскольку она выступает не только от имени государства, а всего народа, заботится не о суровом наказании виновных, а о торжестве права [18, с. 27].

На прокуратуру в уголовном процессе, как отмечается немецкими авторами, возлагаются три основные задачи (функции): 1) она является «госпожой дознания», расследует уголовные преступления и осуществляет уголовное преследование по ним; 2) поддерживает обвинение на стадии производства по преданию суду и на стадии судебного разбирательства, выступая в качестве «беспристрастной стороны»; 3) является органом, приводящим в исполнение приговор [13, с. 62; 19, с. 29].

Для английского судопроизводства более важным, чем установление материальной истины, является разрешение конфликта, существующего в связи с совершением преступления, и обеспечение беспристрастного судебного разбирательства с участием сторон, обладающих равными процессуальными правами. С учетом этого состязательность здесь носит «спортивный» характер. Так, Л. Зеднер, рассматривая судебное разбирательство как средство разрешения конфликта, отмечает: «Логика состязательного разбирательства дела в суде состоит в том, что только одна сторона может выиграть. Оправдание подсудимого является одновременно проигрышем для стороны обвинения, ее свидетелей и потерпевшего (если он есть). Подобно этому восстановление прав потерпевшего с необходимостью выступает поражением подсудимого» [20, с. 162].

В английском уголовном процессе не отрицается, что уголовное судопроизводство должно быть направлено на достижение истины. Та же Л. Зеднер пишет, что отыскание истины является одной из центральных функций судебного разбирательства в уголовном суде, а последний рассматривается ею как инструмент поиска истины [20, с. 168]. Однако критерий достижения истины, которая должна быть установлена в английском уголовном процессе, носит иной характер, чем в континентальном уголовном процессе. В уголовном процессе Англии сторона обвинения должна доказать, что обвиняемый виновен при отсутствии каких-либо «разумных сомне-

ний» (beyond all reasonable doubt) [20, с. 170], чтобы истина считалась установленной.

Признанию обвиняемым своей вины придается значение распорядительного акта, который означает признание иска, прекращение спора и отсутствие необходимости в дальнейшем использовании системы уголовной юстиции для разрешения уголовно-правового конфликта между потерпевшим и лицом, совершившим преступление.

Придание признанию вины значения распорядительного акта в отношении обвинения обуславливает существование в английском уголовном процессе сделок о признании вины, которые в то же время не получили такого широкого распространения, как в США. При заключении соответствующей сделки сторона обвинения в обмен на обязательство обвиняемого признать вину исключает из обвинительного акта отдельные пункты обвинения, смягчает квалификацию преступления, совершение которого инкриминируется обвиняемому, и т.п. В возможности заключения сделок о признании находят свое выражение дискреционные полномочия органов публичного уголовного преследования, которыми они обладают не только в досудебном, но и судебном производстве по уголовному делу.

Дискреционные полномочия стороны обвинения в суде выражаются и в возможности отказаться от уголовного преследования. Так, Генеральный атторней исторически обладает правом потребовать по любому основанию и в любой момент после утверждения обвинительного акта до вынесения приговора прекращения всякого уголовного дела. Это говорит о предоставлении государственному обвинителю права распоряжаться материальным правом государства на наказание лица, совершившего преступление.

При этом уголовному процессу Англии не известна система публичного уголовного преследования в том виде, в котором она существует в континентальном типе уголовного судопроизводства, что можно объяснить «уходящими в глубину веков традициями широкого местного самоуправления, частного обвинения, судебного контроля, отсутствием самой идеи законности (главный источник права – судебный прецедент)» [21, с. 25–26]. Исторически в Англии правом выдвигать и поддерживать обвинение в суде обладало и обладает по настоящее время любое частное лицо, причем не обязательно то, которому непосредственно причинен вред преступлением. Считается, что указанное лицо выступает обвинителем в интересах государства.

В настоящее время уголовное преследование, в том числе поддержание обвинения в суде, по большинству преступлений входит в компетенцию Королевской службы уголовного преследования (Crown Prosecution Service), созданной в 1985 г. согласно Закону об уголовном преследовании преступлений и возглавляемой директором, назначаемым и подотчетным Генеральному атторнею. Одной из целей создания этой службы являлось повышение эф-

фективности системы уголовного преследования посредством разделения функций расследования (полиция) и уголовного преследования (Королевская служба уголовного преследования) [22, с. 431]. В соответствии с Кодексом королевских обвинителей [23] должностные лица данной службы проверяют каждое поступившее к ним дело, чтобы удостовериться, что оно отвечает требованиям в отношении доказательств и в отношении общественного интереса, которые предъявляет данный Кодекс. Однако в суде предъявление и поддержание от имени Короны обвинения осуществляют профессиональные адвокаты – барристеры или солиситоры, которые делают это на договорной основе, получая соответствующий гонорар [24, с. 29–30; 25, с. 227].

В целом, общее право и законодательство Англии наделяет обвинителя процессуальными правами, позволяющими активно доказывать обвинение. Активность же суда проявляется в основном только в руководстве процессом.

В уголовном судопроизводстве США, как и в английском уголовном процессе, основной целью является урегулирование конфликта между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим, а сам процесс рассматривается как спор в суде между обладающими равными процессуальными правами обвиняемым и обвинителем [16, с. 17–18]. Уголовно-процессуальное законодательство США, в частности Федеральные правила о доказательствах США [27] (правила 102, 611), закрепляет установление истины как цель уголовного процесса. Однако соответствующие нормы являются скорее декларативными, чем реально обеспечивающими соответствующую направленность деятельности участников уголовного процесса. Хотя большинство американских процессуалистов не отрицают необходимость установления истины в уголовном судопроизводстве, все же распространенным является мнение, в соответствии с которым цель в состязательном правосудии заключается не в том, чтобы «отыскать *истину*», а установить, какое *сообщенное восприятие* события является наиболее *правдоподобным изложением* этого события» [10, с. 220]. Так же как и в английском уголовном процессе, здесь основным критерием достижения истины является отсутствие разумных сомнений в виновности подсудимого.

Именно таким подходом к определению цели уголовного процесса, думается, объясняется то, что подавляющее большинство изменений обвинения в уголовном процессе США является следствием заключения сделок о признании вины, которые в настоящее время являются повседневной практикой в уголовном процессе США. При этом данная практика признается и поощряется Верховным Судом США (решение 1971 г. по уголовному делу Сантобелло), поскольку экономит силы, средства и время органов уголовной юстиции. Кроме того, условия заключения сделок о признании вины регламентируются федеральным законодательством, в частности Принципами осуществления федерального уголовного пресле-

дования (Principles of Federal Prosecution), утвержденными Генеральным Атторнеем США для служащих Министерства юстиции США [28].

Необходимо отметить, что сделки о признании вины, инициатором заключения которых во многих случаях выступает атторней, являются основанием изменения в дальнейшем атторнеем обвинения (его объема или квалификации), либо отказа от одного или нескольких обвинений. Атторней зачастую идет на заключение подобного рода сделок, поскольку не уверен в полной законности и обоснованности выдвинутого обвинения (обвинений), достаточности и допустимости имеющихся доказательств. При этом на практике во многих случаях объем первоначально выдвинутого обвинения и (или) количество обвинений намеренно завышаются, в том числе с целью обеспечить в дальнейшем возможность маневрирования в переговорах со стороной защиты [29, с. 79–80; 30, с. 21]. Соответственно институт сделок о признании вины, следствием заключения которых выступают, как правило, решения об изменении обвинения и отказе от обвинения, – одно из наиболее ярких проявлений дискреционных полномочий атторнея в уголовном процессе США.

В отличие от Англии в США система публично-государственного уголовного преследования (институт атторнейской службы) начала складываться практически изначально. По мнению В. Власихина, идея «концентрации обвинительной власти в руках государства была воспринята, по всей видимости, из французской или голландской правовых систем с их концентрацией должностного обвинения и, возможно, является наследием голландского правления на территории нынешнего Нью-Йорка» [9, с. 23–24]. При этом из английской системы был сохранен исковой характер уголовного преследования. Атторней в США выступает представителем своего «клиента» – государства, который наделил его всеми правами по распоряжению уголовным иском.

Концепция «усмотрения государственного обвинителя» является, как пишет У. Бернам, фундаментальной для американской правовой системы [10, с. 454], и атторней с полным основанием может считаться «хозяином обвинения». Уголовное преследование выступает дискреционным полномочием, правом, а не обязанностью атторнея.

Атторней, принявший уголовное дело к своему производству, в любое время до вынесения приговора и назначения наказания судом (вердикта присяжными заседателями) может отказаться от обвинения и забрать обвинительный акт или заявление об обвинении обратно. При этом в случае, если он отказывается от обвинения до начала судебного разбирательства, то в дальнейшем он вправе вновь возбудить уголовное преследование за то же самое преступление. Несмотря на то, что в соответствии с Правилем 48 Правил уголовной процедуры в окружных судах США 1977 г. (Rules of Criminal Procedure for the United States District Courts) и законода-

тельством ряда штатов отказ от обвинения после того, как был предъявлен обвинительный акт, допустим лишь с разрешения суда (а во время судебного разбирательства – с согласия подсудимого), суд крайне редко отказывается утверждать решение обвинителя о прекращении уголовного дела. В большинстве штатов, как пишет В.А. Власихин, право *nonle prosequi* минимально ограничено требованием изложить причины отказа от обвинения, а в нескольких штатах законодательство вообще не устанавливает никаких ограничений на прекращение дела обвинителем [9, с. 141]. Дела могут прекращаться государственным обвинителем также на стадии пересмотра дела вышестоящим судом [31, с. 277].

Процедура судебного разбирательства, в рамках которого суду принадлежит активная роль в руководстве процессом и пассивная в доказывании, и возложение на обвинителя практически в полном объеме бремени доказывания обвинения обуславливает, как и в уголовном процессе Англии, активную роль государственного обвинителя в отстаивании своей позиции в суде в уголовном процессе США.

Рассмотрение вопросов поддержания обвинения в уголовном процессе Англии, США, Франции и Германии позволяет сделать вывод о том, что пределы прав прокурора (государственного обвинителя) в отношении обвинения в суде первой инстанции определяются целями, которые имеет уголовный процесс того или иного государства, степенью реализации публичности в деятельности суда, а также тем, как решен на доктринальном уровне и в законодательстве соответствующего государства вопрос о возможности распоряжения прокурором (государственным обвинителем) материальным правом государства на наказание лица, совершившего преступление.

Основной целью уголовного процесса англосаксонского типа (Англия, США) является разрешение конфликта, существующего в связи с совершением преступления, а активность суда проявляется в основном только в руководстве процессом, в доказывании же обстоятельств уголовного дела суд пассивен. Государственный обвинитель является представителем государства, обладающим всеми правами по распоряжению обвинением – уголовным иском, в том числе материальным правом государства на наказание лица, совершившего преступление. При этом указанные права носят дискреционный характер.

В уголовном процессе континентального типа (Франция, Германия) основной целью является достижение объективной (материальной) истины, ответственность за достижение которой в суде первой инстанции возложена на сам суд. В связи с этим суд является активным субъектом доказывания и должен во всех случаях по существу рассмотреть обвинение, что говорит о высокой степени проявления публичности в деятельности суда. Прокурору в континентальном уголовном процессе государство и общество не предоставляет возможность распоряжаться материальным правом на наказание лица, со-

вершившего преступление, исходя из чего прокурор не имеет и распорядительных полномочий в отношении обвинения.

Однако отношение прокурора к обвинению в суде в уголовном процессе не всех стран подпадает под вышеуказанные схемы. Безусловно, специфику полномочиям прокурора в отношении обвинения в суде первой инстанции придает действующий в уголовном процессе отдельных стран институт субсидиарного обвинения. По существу, здесь идет речь о самостоятельной форме участия потерпевшего в уголовном преследовании.

Как известно, в теории уголовного процесса уголовное преследование классифицируется на такие виды, как главное (основное), дополнительное и субсидиарное. Однако, как представляется, здесь следует вести речь не о видах уголовного преследования, а о формах участия потерпевшего в уголовном преследовании в пределах соответствующих видов уголовного преследования. Критерием классификации таких форм выступает роль потерпевшего в осуществлении уголовного преследования.

Главная (основная) форма участия потерпевшего в уголовном преследовании имеет место, когда уголовное преследование осуществляется в частном порядке. Потерпевший, выступающий частным обвинителем, при этом в полном объеме осуществляет деятельность по поддержанию обвинения, в том числе может отказаться от него. Дополнительная форма участия потерпевшего в уголовном преследовании (так называемое «дополнительное обвинение») представляет собой обвинительную деятельность потерпевшего, в ходе которой тот присоединяется к обвинению, выдвинутому должностным лицом. В данном случае потерпевший приобретает широкие возможности по реализации своих прав, хотя и не может оказывать решающее воздействие на ход процесса.

Субсидиарная форма участия потерпевшего в уголовном преследовании (так называемое «субсидиарное обвинение») – это поддержание потерпевшим обвинения взамен государственного обвинителя, отказавшегося от обвинения, по делам, по которым уголовное преследование осуществляется в публичном и частно-публичном порядке. Данный институт впервые возник в Шотландии. Среди ученых континентальной Европы возможность его переноса в законодательство начала активно обсуждаться с 60-х годов XIX века. Причинами этого явились издержки монополии прокуратуры на уголовное преследование, в частности отказ от уголовного преследования по одним делам и выдвижение необоснованных обвинений по другим. На законодательном уровне первоначально он был закреплен в австрийском Уголовно-процессуальном кодексе 1873 г. [32, с. 7–8]. В действующем УПК Австрии (§ 48) сохраняется норма о том, что в случае если прокурор отказался от обвинения, то потерпевший имеет право заявить ходатайство о преследовании лица [33].

Право потерпевшего поддерживать обвинение в случае отказа от него государственного обвинителя закрепляется также, к примеру, в УПК Республики Беларусь [34] (ч. 3 ст. 28, ч. 8 ст. 293) и УПК Украины 2012 г. [35] (ст. 340). Кроме того, необходимо указать, что прокурор в суде первой инстанции в уголовном судопроизводстве ряда стран – бывших республик СССР – обладает распорядительными полномочиями в отношении обвинения, которые в то же время не формулируются как его дискреционные права. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 306 УПК Республики Армения [36], ч. 6 ст. 317 УПК Республики Казахстан [37], ч. 4 ст. 409 УПК Республики Узбекистан [38], ст. 340 УПК Украины 2012 г. отказ от обвинения является обязанностью прокурора при наличии соответствующих оснований.

Примечательно, что во всех указанных случаях речь идет о государствах, уголовный процесс которых с учетом его исторического пути развития относится к континентальному типу. При этом стоит отметить, что большее внимание к регламентации прав потерпевшего в уголовном процессе характерно именно для стран с континентальным типом уголовного судопроизводства. Напротив, в англосаксонском уголовном процессе тот гораздо менее защищен [39].

То, что уголовный процесс указанных выше стран относится к континентальному типу, обуславливает то обстоятельство, что достижение истины в уголовном судопроизводстве продолжает определять деятельность государственных органов, в том числе суда. Так, УПК Республики Беларусь (ст. 18) сохраняет в числе принципов уголовного процесса всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела.

Обусловливание деятельности прокурора в уголовном процессе названных выше стран необходимостью принятия всех предусмотренных законом мер по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, требованием обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, в том числе потерпевшего, предоставление последнему права на поддержание обвинения в случае отказа от него прокурора, формулирование полномочий прокурора по распоряжению обвинением в суде первой инстанции как его обязанностей принять соответствующее решение при наличии установленных законом оснований – все это существенно ограничивает усмотрение прокурора при распоряжении обвинением в суде первой инстанции и говорит о том, что прокурор в суде первой инстанции здесь не может распоряжаться материальным правом государства на наказание лица, совершившего преступление.

Однако изменение обвинения и отказ от обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве указанных стран все же являются распорядительными полномочиями прокурора, поскольку влекут за собой изменение пределов судебного разбира-

тельства или прекращение уголовного дела соответственно (там, где уголовный процесс предусматривает институт субсидиарного обвинения, – при условии, если потерпевший не возражает и не желает самостоятельно поддерживать обвинение). В связи с этим представляется, что прокурор в таких случаях распоряжается исключительно процессуальным правом поддержания обвинения, которым его наделило государство, но не материальным правом на наказание лица, совершившего преступление, которое ему государство не передавало.

Рассмотрев вопрос об отношении прокурора к обвинению и определив, что обуславливает пределы прав прокурора в распоряжении обвинением в зарубежном уголовном процессе, думается, что необходимо выяснить, как данные вопросы решались и решаются в отечественном уголовном процессе.

В дореволюционный период целью уголовного процесса России являлось установление истины, что находило отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Исходя из ст. 613 Устава, председатель суда должен был направлять ход дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины. Активность прокурора ограничивалась активной ролью суда в доказывании: большинство судебных действий могло совершаться по его инициативе. При этом прокурор не наделялся Уставом распорядительными правами в отношении обвинения.

В советское время при неизменности цели уголовного процесса публичность в деятельности суда только усилилась. В соответствии со ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. он, наряду с прокурором, следователем и лицом, производящим дознание, обязан был принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства. Прокурору советское уголовно-процессуальное законодательство распорядительных прав в отношении обвинения не предоставляло, и он в целом являлся пассивным участником судебного разбирательства. Это придавало производству по делу в суде первой инстанции сходство с соответствующим производством в уголовном процессе Германии.

Указанная ситуация в отечественном уголовном процессе начала меняться с введением в уголовное судопроизводство России в 1993 г. института присяжных заседателей. Его регламентация в УПК РСФСР (в частности, в ст.ст. 429 и 430) предусматривала повышение активности прокурора в рассмотрении дела в суде первой инстанции, права прокурора в отношении обвинения в суде присяжных приобрели распорядительный характер, а потерпевшему было предоставлено право поддерживать обвинение в случае отказа от него прокурора. Следующим шагом в этом направлении, которым данное положение дел было распространено на производство в суде первой инстанции в целом, стало

принятие Конституционным Судом РФ Постановления от 20 апреля 1999 г. № 7-П.

Однако с принятием УПК РФ 2001 г. производство по делу в суде первой инстанции фактически было реформировано в духе англосаксонского уголовного процесса, что нашло отражение и в конституировании институтов отказа от обвинения и изменения прокурором обвинения в суде.

Современный законодатель в ст. 6 УПК РФ провозгласил назначением уголовного судопроизводства, во-первых, защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и, во-вторых, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Таким образом, институты изменения обвинения и отказа от обвинения в суде первой инстанции в УПК РФ должны быть регламентированы таким образом, чтобы учитывать обе указанные стороны назначения уголовного судопроизводства. Как писал Н. Полянский: «Цель уголовного процесса прежде всего выявляет смысл входящих в состав уголовного процесса институтов. Все институты права телеологичны» [40, с. 27]. Установление истины в числе целей уголовного процесса в УПК РФ не значит. Однако стоит согласиться с учеными, которые пишут о том, что установление истины в любом случае является целью доказывания, промежуточной целью и необходимым условием достижения любой общей цели уголовного процесса, как бы она ни была сформулирована в законе [41, с. 50]. Уголовный процесс России исторически принадлежит к континентальному типу уголовного судопроизводства, что нельзя игнорировать.

Необходимо отметить, что прокурор, поддерживая от имени государства обвинение в суде, реализует публичные интересы, а последним, как верно пишет Д.А. Мезинов, «соответствует осуществление обвинительной деятельности исключительно в отношении лиц, действительно виновных в совершении преступлений, а также в мере, соответствующей степени их виновности, что обеспечивается полным отказом от нее в отношении невиновных и частичным отказом от нее, ее изменением до соответствующей степени виновности лица меры» [42, с. 16]. При этом при реализации прокурором полномочий по распоряжению обвинением в силу закрепленного в ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства не должно допускаться нарушение прав других сторон, которые всегда затрагиваются, когда прокурор изменяет обвинение или отказывается от него в суде первой инстанции.

Таким образом, пределы прав прокурора в распоряжении обвинением в суде первой инстанции в уголовном процессе России заключаются, во-первых, в необходимости обеспечения реализации публичных интересов при поддержании обвинения и, во-вторых, в недопустимости нарушения при распоряжении обвинением прав других сторон. Указанные пределы являются общими и могут быть конкретизированы применительно к отдельным рас-

порядительным полномочиям прокурора, исходя из их специфики.

В связи с указанным выше регламентация отношения прокурора к обвинению в суде первой инстанции в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России должна предусматривать уменьшение усмотрения прокурора при осуществлении распорядительных полномочий в отношении обвинения, в том числе посредством их формулирования в качестве обязанностей прокурора, и обеспечение защиты не только прав и законных интересов подсудимых, но и потерпевших.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин Л.В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теретических заблуждений // Государство и право. 2012. № 2. С. 50–67.
2. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и изменение его в суде. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. 169 с.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1910. Т. II. 559 с.
4. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равенна, Альфа, 1995. 846 с.
5. Немировский Э.Я. Отношение приговора к обвинению. Прив.-доц. Э.Я. Немировского. Одесса, 1907 (Записки Имп. Новорос-го ун-та. Т. 108). 1–412 с.
6. Волкер Р. Английская судебная система. М., 1980.
7. Головкин Л.В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. № 11. С. 54–67.
8. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. 304 с.
9. Власихин В. Служба обвинения в США: Закон и политика. М.: Юрид. лит., 1981. 176 с.
10. Бернам У. Правовая система США. 3-й вып. М.: Новая юстиция, 2006. 1216 с.
11. Правила уголовного судопроизводства Пенсильвании. Свод законов Пенсильвании – Титул 234 [Извлечение] // Соединенные штаты Америки: Конституция и законодательные акты: пер. с англ. / сост. В.И. Лафитский / под ред. и со вступ. ст. О.А. Жидкова. М., 1993. С. 748.
12. Николайчик В.М. Уголовный процесс США. М.: Наука, 1981. 224 с.
13. Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учеб. 6-е изд., с доп. и изм.; пер. с нем. Я.М. Плоскиной; под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. 352 с.
14. Юридические и судебные практики во Франции: Прокуратура. Право окружающей среды. Б.м. и б.г. 247 с.
15. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. ИКД «Зерцало-М», 2001. 480 с.
16. Судебная система и судебные учреждения. М., Посольство Франции в Российской Федерации, 2003. 195 с.
17. Дашков Г., Кигас В. Прокуратура в ФРГ // Законность. 1995. № 11. С. 50–53.
18. Филимонов Б.А. Уголовный процесс ФРГ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 117 с.
19. Нимеллер М. Уголовное судопроизводство и роль прокуратуры в Германии // Рос. юстиция. 1994. № 10. С. 28–30.
20. Zedner, Lucia. Criminal justice. Oxford University Press, 2004. 319 p.
21. Додонов В.Н., Крутских В.Е. Прокуратура в России и за рубежом. М.: Норма, 2001. 181 с.
22. Quick, Oliver. Prosecuting «Gross» Medical Negligence: Manslaughter, Discretion, and the Crown Prosecution Service // J. Law Soc. 2006 (September). V. 33. No. 3. P. 421–450.
23. Кодекс принципов и правил поддержания обвинения в судах Англии // Законность. 2003. № 9. С. 45–51.
24. Газетдинов Н.И. Доктрина о принципах уголовного судопроизводства в Великобритании // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 1. С. 28–31.
25. Романов А.К. Правовая система Англии: учеб. пособ. М., 2000. 342 с.
26. Семухина О.Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовых систем. Томск: Изд-во НТЛ, 2002. 94 с.
27. Федеральные правила о доказательствах Соединенных Штатов Америки // Process-net [электр. ресурс]: Портал уголовно-процессуального права. Режим доступа: <http://sergei-nasonov.narod.ru>, свободный.
28. Rossman, David. Criminal Law Advocacy. Guilty Pleas. V. 2. New York, 1984. P. 8–25.
29. Уайнреб Л. Отказ в правосудии. Уголовный процесс в США М.: Юрид. лит., 1985. 191 с.
30. Чаадаев С.Г. Контроль над преступностью в государствах англосаксонской системы права: автореф. дис. ... д.ю.н. М., 1992. 28 с.
31. Burnham W. Introduction to the law and legal system of the United States. St. Paul, Min, 1995. 567 p.
32. Зачинский А. О начале государственного обвинения. – Ярославль, 1887. 17 с.
33. Александров А.С. Субсидиарный уголовный иск // Государство и право. 2000. № 3. С. 75–83.
34. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. Мн.: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. 272 с.
35. Уголовно-процессуальный кодекс Украины (от 13 апреля 2012 г. Закон № 4651-VI). Режим доступа: www.kalynovsky-k.narod.ru/zakon/upk_ukr.rar, свободный.
36. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. Ереван, б.г. 235 с.
37. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: учеб.-практич. пособие. Алматы, 2002. 288 с.
38. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 2. Ст. 4.
39. Кухта К.И. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США: автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2006. 28 с.
40. Полянский Н.Н. Цель уголовного процесса. Б.м. и б.г. 36 с.
41. Орлов Ю.К. Проблемы истины в уголовном процессе // Государство и право. 2007. № 3. С. 50–56.
42. Мезинов Д.А. Участие прокурора в рассмотрении дел судами: учеб. пособие. Томск: Изд-во НТЛ, 2008. 100 с.